

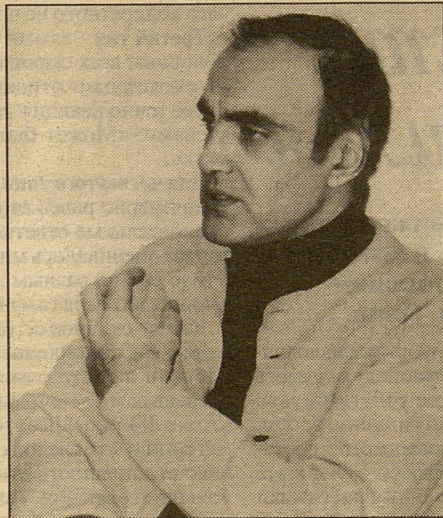
После кончины Товстоногова Большой драматический театр оказался не просто без режиссера-лидера, но и без перспективы когда-либо его обрести. «Наследника нам не оставил он», — уместны слова пушкинского Сальери. Перенять лидерство мог лишь пришелец — подразумевалось, что в родном городе не сыщется конгениального мастера.

Темур Чхеидзе, бесспорно, конгениален. Но он категорически отказывается от должности руководителя БДТ. Он хочет отвечать лишь за свои спектакли — и никак не за концепцию театра, которая далека от совершенства, репертуар заполняется случайными, на разовые постановки приглашенными режиссерами.

Меж тем Чхеидзе выстраивает внутри этой достаточно пестрой афиши посттовстоноговского БДТ свою линию. Вопреки все более ошутимому вяению времени, призывающего сцену к смирению, к иронии, к камерности, Чхеидзе остается режиссером трагедийным. Единственная комедия из шести его спектаклей в Большом драматическом — «Призраки» Эдуардо де Филиппо — была откровенной неудачей и сошла со сцены чрезвычайно скоро (в связи с болезнью и смертью Владислава Стрельчика, впрочем). Чхеидзе словно навсегда остался в первой сцене третьего действия «Гамлета» и никак не может отойти от дилеммы принца «Быть или не быть?» Ополчиться на море бед или покорно сносить удары судьбы? Темур Чхеидзе уходит от ответа или вместо ответа держит паузу. Что тоже ответ.

Покорно сносить удары судьбы — недостойно человека. Но трагедия всех героев Чхеидзе начинается с момента, когда они принимают

решение быть. То есть противостоять миру, ибо мир — по Чхеидзе — изначально трагичен. Счастия невозможно: первая же мизансцена петербургского театра Темура Чхеидзе навсегда подчеркивала возможность благополучного исхода. Влюбленные Луиза и Фердинанд в шиллеровском «Коварстве и любви» шли навстречу друг другу по авансцене — и не встречались. Разминувшись с любимым, Луиза еще оборачивалась, почуяв неладное, но Фердинанд не был способен и на этот запоздалый взгляд. Противостояние мужчины и женщины, которым никогда не понять, не услышать, не встретить друг друга, — лишь часть всеобщего мирового закона. Но: «Кто тебе сказал, что ты должна быть счастлива?» — объяснял Осип Мандельштам своей жене.

Темур Чхеидзе

ства. Чхеидзе не щадит зрителя, он вновь и вновь решает вопросы общественного устройства, ибо видит в них частный (и наиболее наглядный) случай мироздания. В «Макбете» все строго иерархично; есть даже особая красота в

Человек у Чхеидзе создан для того, чтобы вступить в противоборство с миром и погибнуть в неравной схватке. Это и есть его предназначение. Джон Проктор в «Салемских колдуньях» Артура Миллера, даже не слишком задаваясь гамлетовским вопросом, бросается в бой со всем несправедным обществом (Чхеидзе не пожалел красок на изображение озверелой толпы — генезис стадного инстинкта им был прослежен со скрупулезностью ученого).

Социальные проблемы — наименее благодарный материал для искусства. Чхеидзе не щадит зрителя, он вновь и вновь решает вопросы общественного устройства, ибо видит в них частный (и наиболее наглядный) случай мироздания. В «Макбете» все строго иерархично; есть даже особая красота в

чинно соблюдаемых ритуалах двора Дункана. Но только эта военная машина с ее чинопочтанием и могла проглядывать возникновение Макбета. Плоть от плоти взрастившего его мира шинелей и погон, он рожден, чтобы взорвать изнутри этот механизм и погибнуть под его обломками. Машина с аппетитом перемаывает Макбета; общество приобретает новый иммунитет, становясь еще более прочным.

В «Антигоне» по Жану Ануи — последней петербургской премьере Темура Чхеидзе, профессионально, может быть, лучшей его работе (за исключением разве что «Коварства и любви», кристально совершенного спектакля), видна усталость. Чхеидзе словно утратил азарт; ему почти все равно, чем окончится поединок мудрого циника Крона и безрассудной, импульсивной Антигоны. Если раньше режиссера мучила невозможность ответа на гамлетовский вопрос, теперь он молчит, признавая, что задача не имеет решения. Но это позиция философа, а не режиссера, которому предписано расставлять персонажей на доске сражения и драться за обе стороны. Просто трагедия успокаивает, как произносит, разводя руками, Хор в «Антигоне» — alter ego режиссера. Побережем силы.

Собираясь с силами, Темур Чхеидзе готовится к инсценировке романа Нодара Думбадзе «Солнечная ночь»: впервые после переезда в Петербург он обратился к родному грузинскому материалу.

Леонид ПОПОВ

Маск.Новости | ПОРТРЕТ | - 1997 -
- 27 апр - 4 мая - с. 20.

Накануне «Солнечной ночи»

Петербургский театр Темура Чхеидзе

Чхеидзе Темур

27.04.-3.05.97

7